

МЕЛОДИИ

НАША БОЛЬ,
НАША СВЯЗЬ,
НАШ СМЫСЛ.

Мелонава

наша боль, наша связь, наш смысл

«Издательские решения»

Мелонава

наша боль, наша связь, наш смысл / Мелонава — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962160-3

Сломанный... в этой горящей тюрьме, полной отчаяния и боли, я погибну, так и не сумев справиться со своим чувством вины. Почему вы смотрите на меня с жалостью? Мне не нужна ваша жалость. Ведь я знаю, что я заслужил всё это.

ISBN 978-5-44-962160-3

© Мелонава
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Утро	6
Глава 2. Простите	10
Глава 3. Тульская улица	14
Глава 4. Твой любимый рисунок	17
Глава 5. В отличие от меня	20
Глава 6. Не могу забыть	23
Глава 7. Здравствуй	26
Глава 8. Ещё увидимся	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

наша боль, наша связь, наш смысл

Мелонава

В этом мире ничего не происходит случайно.

© Мелонава, 2019

ISBN 978-5-4496-2160-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Утро

Горячий воздух обжигает. Комната окрашена в яркие, слепящие глаза, красные цвета. Я ненавижу красный цвет. Дым вокруг, и я задыхаюсь. Этот огонь повсюду. Он поглотит меня, заберёт мою жизнь без остатка. И тогда я сделаю последний вдох в этой тюрьме, полной чёрного дыма, моё сердце вздрогнет в последний раз, и тогда, может быть тогда, я смогу искупить свои грехи. А пока мне остаётся отдалиться в объятия этого дыма. Мы уже не раз встречались, ведь я знаю, что это только...

– Опять кошмары.

Я проснулся. Проснулся, потому что перестал дышать. Я не могу бороться с этими снами. Кажется, я сдался. Иногда мне хочется, чтобы это уже стало явью. Ведь тогда прекратятся кошмары. Тогда всё прекратится.

Придётся вставать с кровати, ведь я уже не смогу заснуть. Всего лишь пять утра, я проспал всего четыре часа. Меня это не сильно огорчает. Когда тебя мучают кошмары, сон перестаёт быть приятным времяпрепровождением. Сон для меня – просто жизненная потребность организма. Тело человека требует отдыха, но, если честно, после пробуждения я чувствую себя ещё хуже, чем чувствовал перед тем, как заснуть. Голова, словно набитая камнями, так и норовит свалиться с шеи, во рту пересыхает, а ноги и руки покалывает, будто после судороги.

Что чувствует человек, которого мучают кошмары? Лично я уже привык. Знаете, обычно люди не понимают, что им снится сон. Всё, что находится в ваших сновидениях, вы воспринимаете так, будто это происходит на самом деле. Ты воспринимаешь все события, как должное. Твоё мышление искажается, и в большинстве случаев ты просто не можешь мыслить адекватно или предпринимать какие-то серьёзные решения.

Давно, когда я был маленьким, мне приснился страшный сон. В нём я шёл по лесу. Просто шёл, не зная куда. Вокруг я видел лишь огромные деревья, настолько огромные, что, если бы я посмотрел на небо, я бы не увидел их верхушек. Всё было слегка размыто, казалось, будто у меня проблемы со зрением и я не могу чётко видеть своё окружение. Затем я почувствовал, что кто-то наблюдает за мной. Будто в затылок что-то кольнуло – настолько пронзителен был этот взгляд. Я повернулся и увидел нечто. Будто все детские страхи смешались воедино: некая чёрная субстанция с огромным ртом и пустыми белыми глазами. Я не успел как следует рассмотреть это чудовище, как оно с удивительной быстротой двинулось на меня. Мозг пытался посылать импульсы телу, пытался заставить его бежать, кричать, но ничего не выходило. Отчаянно раскрывая рот, я не мог выдать ни звука. Казалось, будто мне в горло залили клей, и чем больше я пытался выдохнуть, тем сильнее он застывал. Мои ноги не шевелились, я пытался жестикулировать, но это не давало никакого эффекта. Будто кто-то очень сильный схватил меня за плечи и вжал в землю. Страх окутал меня, а за страхом пришло смирение. Я перестал сопротивляться и приготовился стать жертвой этого монстра. Затем я услышал детский плач. И всё закончилось. В будущем я узнаю, что то, что произошло со мной, имеет незамысловатое название «сонный паралич». Нечто, что происходит с человеком неосознанно, стирает грани между сном и реальностью, не даёт предпринимать самостоятельных решений и не даёт шанса.

Это было давно. Сейчас всё по-другому. Я знаю, что этот красный огонь, обжигающий меня, этот густой дым, – всё это сон, плод моего воображения. Я пытался бороться, пытался

убежать, сделать хоть что-нибудь, чтобы потушить этот огонь. Сначала у меня даже получалось, но с каждым разом сон повторялся, будто стараясь как можно сильнее поразить не тело, а мой мозг. И ему это удавалось. Сейчас у меня не осталось никакого желания бороться, не осталось сил. Я ложусь спать, когда огни соседних домов давно потухли, и просыпаюсь, когда солнце и не думало подниматься над горизонтом. Меня это устраивает. Сон не для меня.

Я зашёл на балкон и открыл окно. Глубоко вдохнул, пытаюсь забыть этот, пусть и ненастоящий, но отчётливый запах дыма. Взглянув на траву под домом, я заметил лужи на земле. Небо перед рассветом особенное: оно будто останавливает всю жизнь вокруг, делает всё похожим на бесконечность. Даже эти маленькие лужи, едва покрывавшие небольшие ямы на землях, под покровом бледно-синего неба напоминали глубокий океан.

– Ночью шёл дождь.

Вы когда-нибудь замечали одну особенность у частных домов? Они все имеют свой «голос». Это тихие, едва заметные звуки, на которые обращаешь внимание только ночью или ранним утром. Щелчок замков, шелест занавесок, скрежетание досок. Спускаясь на кухню за стаканом воды, я преследовал практически невозможную цель – не разбудить отца. Лестница как раз вовремя решила напомнить о своей неисправности. Громкий скрип, как назло, эхом разлетелся по коридору.

– Артур? – окликнул меня отец, когда я наливал воду на кухне. Он подошёл к столу, на котором лежали сигареты и зажигалка, взял их и, мельком взглянув на меня, добавил, – бессонница?

– Угу, знаем такое, – ответил я, смотря в пол.

– Всё ещё кошмары?

– Меня разбудил дождь, – решил соврать я.

– Ясно.

Отец подошёл к окну и открыл зажигалку. Я слегка вздрогнул, увидев этот маленький огонёк. Отец ничего не заметил (или сделал вид?). Он открыл окно и закурил сигарету, разрушив атмосферу бесконечности. Я в ту же секунду почувствовал неприятный запах никотина, поэтому отвернулся. Отец посмотрел на меня, слегка сжав брови, а затем отодвинул руку подальше в окно, видимо стараясь направить весь дым от сигареты на улицу. Он знает, что я не люблю этот запах.

– Я тебя разбудил? – не выдержав давящей тишины, задал вопрос я. Не то, чтобы я сильно хотел услышать ответ, просто мне не хотелось показывать отцу дискомфорт, который я испытываю, находясь рядом с ним. Не хотелось показывать слабость.

– Нет. Я не спал, – сказал он, слегка удивившись тому, что я вообще решил его об этом спросить. Один-ноль.

– Работал?

– Приходится. Запись в клинике полная, так что сейчас в основном принимаю пациентов дома, дел по горло. Всю ночь работал над тестом, который может выявить ситуационную оппозицию личности.

– Мм, – лишь смог выдавить я, так как понятия не имел, что это такое.

– Не знаешь, что это? – раскусил меня отец.

– Нет.

– Не самое приятное состояние. Оно отличается тем, что ты слишком негативно относишься к отдельным людям, видишь в них только отрицательные черты. Это может сильно мешать в работе, личной жизни, да и вообще, в обществе. Не хочешь протестировать мои наработки?

– Пожалуй, откажусь. Мозгоправство не для меня.

– Зря ты так, – тихо ответил отец, стараясь не показывать никаких эмоций. Я лишь пожал плечами.

Ситуационная оппозиция личности. Меня всегда забавляло то, как люди здорово расписывают умными словами свои загоны. Будто пытаюсь придать этому какой-то романтический вид. Делают себя жертвами, говоря, что им нужна помощь, придумывают себе диагнозы, когда на самом деле просто не в состоянии сложить два плюс два. Для меня люди, которые ходят к психологу – это люди, у которых много лишнего времени. И денег. Отец докурил сигарету, выбросил бычок в пепельницу и почесал свою голову, громко зевая.

– Как на работе? – спросил меня он.

Могло показаться, что мы с отцом каждый день обсуждаем работу, болтаем и тому подобное. Но на самом деле это не так. Из-за графика отца и нашего общего желания мы редко пересекаемся в доме, а уж болтаем – тем более. Я и не вспомню, когда он в последний раз меня спрашивал о работе. В прошлом году я кое-как закончил школу, сдал ЕГЭ, но так и не понял, что делать дальше. Отец не стал заставлять меня подавать документы в первый попавшийся университет, и было решено, что в течение года я подумаю о своей будущей профессии. Я закончил школу в шестнадцать лет, так что «часики не тикали». Но просто сидеть дома я не захотел. Так что устроился работать официантом в семейное кафе. По правде сказать, это было необязательно. Финансовых проблем в семье никогда не было. Мой отец – психолог в частной клинике. Постоянных пациентов он консультирует на дому. Он является психологом широкой специальности, что весьма выгодно, ведь он охватывает как детей, так и взрослых. Чаще всего к нему приходят семейные пары. Видимо им уже настолько осточертела их бытовуха, что они решили скрасить свои деньки разговорами с незнакомым человеком. Занятно, психолог может изменить сознание посторонних людей, но ему тяжело разговаривать с собственным сыном. Ну уж нет, как по мне, лучше работать официантом.

– Всё нормально.

Всё нормально. Разумеется, всё нормально.

– Я буду работать в кабинете, сегодня в десять придёт пациент, – он подошёл к двери и остановился, – вчера я заказывал пиццу, там осталось ещё много. Ты снова плохо питаешься. Позавтракай.

Он вышел. На кухне ещё оставался еле заметный запах табака. Я подошёл к холодильнику и открыл дверцу. Действительно, пицца. Я приоткрыл коробку: на меня смотрели колбаса и грибы под слоем сыра. Я поморщился и закрыл холодильник. Подошёл к окну и снова сделал глубокий вдох. Запах дождя уже не так заметен. А небо стало светлее. На часах почти шесть.

– Ты плохо питаешься, позавтракай, – я передразнивал отца. Эта его наигранная забота сидит у меня в печёнках. Он может неделю не замечать моего существования, чтобы в один день заставить меня съесть огромную тарелку супа, якобы, для «здоровья». Он может месяцами не замечать мои опухшие от недосыпа глаза, чтобы в один день принести мне чёртовы витаминки, которые я выброшу в ближайшую мусорку. Все его знаки внимания быстротечны, его волнение затухает быстрее горящей спички. Он пытается быть образцовым отцом, но я вижу, каким взглядом он смотрит. Я же знаю, что он ненавидит меня.

Я его понимаю. Я ведь тоже... ненавижу себя.

Глава 2. Простите

– Артур, подойди, помоги мне отнести посуду, – услышал я голос своей начальницы.

– Конечно, – ответил я и резво подбежал к ней, выхватив из её рук тяжёлые тарелки.

Я работаю официантом в небольшом заведении под названием «Место». Здесь немного людей, довольно тихо, да и обстановка неплохая. А ещё это кафе находится очень далеко от моего дома. Около часа езды на автобусе. Я работаю здесь почти год и, по факту, работаю здесь дольше всех. Это достаточно молодое место, которое было открыто ради идеи. Одна из причин, по которой меня вполне устраивает эта работа, – это начальство. Хозяйка кафе – женщина примерно сорока лет, довольно приятной внешности, со светлыми натуральными волосами, постоянно собранными в хвост, тонкими руками и с вечной улыбкой на лице. Она подвижная, будто подросток, и непривычно общительная. В моих глазах она является абсолютным разрушением всех стереотипов о взрослых людях. Многие посетители знают её, а потому начальницу можно частенько увидеть сидящей за столиком и болтающей с очередными гостями. Короче говоря, полная моя противоположность. Насколько мне известно, она замужем, но детей у неё нет. Как ни странно, мы довольно легко нашли общий язык. Ну, точнее сказать, она просто умудрилась найти общий язык со мной.

– Анастасия Борисовна, эти тарелки куда положить?

– Пока на стол, их надо перемыть, а то пылью покрылись, – ответил мне высокий звонкий голос.

– Понял.

– Когда ты меня по имени и отчеству зовёшь, я чувствую себя старухой.

– Вы не старуха, – сказал я, перебирая посуду, – но вы, как минимум, мой начальник.

– Вот как, – она засмеялась, – тогда ладно. Когда общаешься с молодыми ребятами, сам себя начинаешь чувствовать двадцатилетним. Здорово быть молодым.

– Прямо так и здорово? – спросил я так тихо, будто говорил своему носу, а не кому-либо ещё. Но Настя всё равно услышала меня.

– Конечно! Эх, вернуться бы на пару десятков лет назад... тогда у меня было множество развлечений.

– А сейчас?

– А сейчас, дорогой, только воспоминания.

Я равнодушно пожимаю плечами. Никогда не понимал этой тяги к молодости. Что в ней такого? И что же такое ждёт человека в будущем, что он так отчаянно желает вернуться в прошлое? Неужели не существует людей, которые довольны своим временем? Не прошлым, не будущим, а настоящим временем. К чему вся эта пространственная борьба?

– Знаешь, Артур, тебе даже не нужно понимать. Ты сейчас молод, можешь наслаждаться жизнью. У тебя ещё столько всего впереди. Возможно, когда ты станешь старше, появятся вещи, о которых ты будешь сожалеть или по которым будешь скучать, и тебе захочется вернуться, – Настя облокотилась на стол, улыбнулась, приподняла голову и закрыла глаза. Наверное, сейчас она вспоминает то, о чём «сожалеет» или по чему «скучает».

Я не стал ничего говорить, просто продолжил делать своё дело. А ведь я в свои семнадцать лет тоже имею много сожалений. Если бы я мог, я бы вернулся туда, чтобы не допустить того, что произошло. Но уже ничего не вернуть. Напрасно гнаться за улетающей птицей, когда ты ходишь по земле. Мне остаётся только жить под гнётом своего раскаяния, мучаясь ночью от кошмаров.

...

– Артур, просыпайся... Артур!

– А?

Я распахнул глаза и увидел своего отца. Он был обеспокоен. Я быстро приподнялся и ощутил что-то на своём лице. Я коснулся лба и почувствовал влагу. Что это было? Я попытался поднять глаза, чтобы увидеть источник воды, но меня прервал голос.

– Тебе приснился кошмар? – спросил меня отец.

Я опустил голову. Отец с волнением и любопытством смотрел на меня. Спрашивал то, на что уже знал ответ. Он знал, что меня мучают кошмары. Знал, что я боюсь засыпать по ночам. Знал и... его успокаивало это. Я был уверен. Я был уверен, что он чувствует облегчение, когда видит моё измученное от недосыпания лицо. Это моё наказание. Наказание за мою ужасную ошибку.

– Я в порядке, – ответил я слегка охрипшим голосом. Я попытался прокашляться, но чем больше попыток я предпринимал, тем сильнее становились неприятные ощущения в горле.

– Что тебе снилось? – каким-то чересчур ласковым голосом спросил отец, наклонив свою голову набок.

– Какая разница? – ответил я, когда наконец перестал кашлять.

– Я же психолог, смогу сделать выводы, – сказал он и ухмыльнулся.

Психолог... Единственные выводы, которые ты сумел сделать за эти года, – это бесполезность своих попыток. Попыток разобраться в проблеме, поговорить со своим сыном, простить его. Это невозможно. Так к чему эти вопросы? Неужели тебя просто терзает любопытство?

– Я не понимаю, почему тебе так важно знать? – я начинаю раздражаться.

– Я не могу спросить, что приснилось моему сыну? Ты же знаешь, я беспокоюсь.

– Что мне снилось...

А что мне снилось? Прямо сейчас я осознал, что совсем не помню, что мне приснилось. Я проснулся от того, что меня разбудил отец, а если он меня разбудил, значит, я кричал во сне. Но я совсем не помню, отчего кричал, и не помню в принципе, как кричал.

– Ты же знаешь, это твоя вина, – услышал я.

– Что?

Я удивлённо посмотрел на него. «Ты же знаешь, это твоя вина». Твоя вина... Он снова сказал это, он действительно сказал!

– Моя вина? – повторяю я, будто не могу поверить тому, что сам только что услышал.

– Это ты виноват.

Меня бросает в холод. Мне страшно смотреть на отца, но я не могу отвести взгляд. Что-то в нём притягивает и отталкивает одновременно. Прямо сейчас он не похож на себя. Мне становится жутко.

– Почему... ты говоришь это? – я чувствую, что в горле пересохло, а вода продолжает стекать со лба, опаливая тело своим холодом.

– Ты не понимаешь? Как ты вообще можешь спать, осознавая, что ты натворил?

– Остановись...

– Ты спокойно ходишь по земле, хотя знаешь, кто погребён в этой земле, а главное, чья эта вина.

– Пожалуйста, остановись...

– Ты дышишь воздухом, которым ОНИ дышать не могут.

– ХВАТИТ!!!

Я кричу. Смотрю на отца и прихожу в ужас. Вместо рта – оскал, его глаза почернели, волосы встали дыбом. Я всё так же сижу на кровати, не в состоянии сделать и движения. Вдруг чувствую знакомый жар. Комната наполняется огнём. Окна, мебель, пол, – всё горит.

– Убийца. – Демоническим голосом произносит «отец» и загорается.

Это было последней каплей. Мне плохо, я задыхаюсь, словно что-то невидимое схватило меня за горло. Капли, которые падают откуда-то сверху на моё тело, приносят боль, будто это не вода, а кусочки металла. Кровать, к которой меня приковала какая-то незримая сила, начинает сжиматься и засасывать мои ноги. Я не могу встать, не могу пошевелить и пальцем. Я не могу издать ни звука.

Это кошмар, просто кошмар. Я сейчас проснусь, окажусь в своей комнате, всё будет в порядке. Я в порядке...

...

Просыпаюсь. Я на крыше своего дома. В ушах звенит, но я всё равно слышу знакомый шум. С трудом придя в себя, я осознаю, что сижу под проливным дождём. Обрывки сознания возвращаются ко мне, и картина проясняется. Я вспоминаю, как я тут оказался. Я, как обычно, поднялся на крышу, чтобы посмотреть на звёзды. Но в этот вечер было облачно. Я сел и стал всматриваться в серую вату, надеясь уловить хоть один маленький огонёк. Чрезмерная сосредоточенность утомила мой мозг, и я сам не заметил, как заснул. Верно, так бывает, когда долгое время не высыпaeшься. В какой-то момент, даже в самый неожиданный, ты просто можешь отключиться. Мне была знакома эта ситуация.

– Это был просто дурной сон, – сказал я вслух и засмеялся. Хотя смехом это было трудно назвать. Скорее нервный смешок. Я поджал колени, опустил голову и зажал руками виски.

– Простите... простите меня...

Глава 3. Тульская улица

Сегодня странное утро. Я и отец, мы сидим на кухне и завтракаем вместе под шум телевизора. Такое случается нечасто, раз в несколько месяцев. Отец предпочитает есть у себя, а я вообще завтракаю довольно редко. Бывает, когда прихожу в кафе пораньше, начальница пытается меня накормить, но я ограничиваюсь стаканом кофе, говоря, что плотно поел дома. Но это ложь. Мне приходится врать, чтобы не упоминать лишний раз о своей небольшой проблеме. Дело в том, что я не могу есть. У каждого из нас есть нелюбимое блюдо. Допустим, вы не любите капусту. Даже если дома будет пустой холодильник, вы не притронетесь к ненавистному овощу. У меня так со всей едой. Я не чувствую голода, не чувствую сытости, не чувствую вкуса. Приём пищи для меня сравним лишь с приёмом лекарств: ты понимаешь, что надо, хотя не хочется. Еда для меня не является пенопластом или что-то вроде этого, но она потеряла то разнообразие вкусовой палитры, которую может испытывать нормальный человек. Я могу условно разделить пищу на сладкое, горькое и солёное. Причём сладкое для меня по вкусу, как чистый сахар. Солёное, как соль. Горькое, соответственно, как перец. А еда, которая не обладает повышенной остротой, сладостью или солёностью для меня, верно, словно пенопласт. Так было не всегда. Просто в какой-то момент я не мог заставить себя проглотить даже кусочек еды. А когда смог, осознал, что больше не испытываю ничего приятного при приёме пищи.

Странно уже то, что я решил позавтракать. Вчера пришла доставка продуктов, и я подумал, что неплохо было бы съесть хлопьев. Когда-то давно я обожал шоколадные шарики, а молоко пил для того, чтобы побыстрее вырасти. Кстати, это не сильно помогает. В тот момент, когда я уже садился за стол, на кухню неожиданно зашёл отец, слегка напугав меня.

– Ты будешь это есть? – он подошёл поближе, с недоверием глянув в мою полупустую тарелку.

– А что, нельзя? – пробурчал я.

– Да нет, просто я удивился.

А он, действительно, удивился. Настолько, что решил присоединиться. Отец достал из холодильника два яйца, быстро приготовил их в микроволновке и подошёл к столу. Решая, где сесть: рядом со мной или напротив меня, он всё-таки остановился на втором варианте. Я не поднял глаза, но лбом чувствовал, что отец смотрит на меня. Я знаю, ему неприятно находиться рядом со мной, но он пересиливает себя. Мы едим молча, а я сосредоточенно хлюпаю молоком, пытаюсь почувствовать хоть какой-либо вкус. Не выходит.

– Как ты спишь? – неожиданно спрашивает отец, и я напрягаюсь, ожидая неприятный разговор.

– Н... нормально, – выдавливаю из себя и осознаю, что любой человек, даже не будучи мозгоправом, понял бы, что я неумело вру.

– Артур, – сказал отец настолько серьёзным голосом, что я даже на секунду поднял глаза. Он немного замялся от этого, но, негромко кашлянув, всё-таки продолжил, – ты уверен, что тебе не нужны таблетки?

– Я не болею, – ответил я, сжав кулаки, – так зачем мне лекарства?

– Это не такие лекарства... – тихо произнёс отец, – они облегчат ситуацию.

Я выронил ложку. Отец замолчал и с напряжённым видом смотрел на меня. Я отвёл взгляд и уставился на каплю молока, которая упала на стол. Я не болен. Мне не нужны таблетки.

Создавшееся напряжение прервал голос из телевизора.

– Несчастный случай в городе. Вчера, второго марта, в десять часов вечера пьяным водителем насмерть была сбита шестнадцатилетняя девушка.

– Какой ужас, совсем ребёнок, – сказал мой отец. Я посмотрел на экран. Там показывали фото погибшей. Я сразу же почувствовал дискомфорт, который от желудка отдался куда-то в пальцы рук. Я сжал их, чтобы как-то перебить это ощущение.

– На Тульской улице, – снова продолжил голос с телевизора, – где произошла авария, собрались равнодушные жители, которые приносят цветы в память о погибшей. Мы призываем вас быть аккуратными на дороге.

– На Тульской... – я снова почувствовал болезненный импульс, но в разы сильнее. Я сглотнул невидимый ком, подступивший к моему горлу. Какая-то часть меня говорила ни в коем случае не смотреть на отца, но другая, которая в итоге победила, заставила меня взглянуть на него. Отец, казалось, никак не изменился в лице. Но я заметил, как были напряжены его пальцы, а взгляд был направлен будто бы не на экран телевизора, а куда-то через него. Он сам когда-то научил меня подмечать эти детали.

– Да, – тихо сказал он. – На Тульской. Рядом с нашим старым домом.

...

– Артур, спасибо, что согласился задержаться, – с улыбкой произнесла Анастасия Борисовна.

– Да ничего, нельзя же было заставлять вас убирать все столы одной. В следующий раз подумаете, прежде чем отпускать всех пораньше, – сказал я не со зла, а скорее, из-за беспокойства. Дело в том, что начальница всегда без особых проблем отпускала работников до закрытия. А, например, сегодня оказалось, что в кафе под конец дня никого не осталось. Так что я решил задержаться и помочь Насте убрать столы. В любом случае, для меня это был хороший повод подольше не возвращаться домой.

– Да... – ответила начальница и засмеялась, – ну что поделаешь, такой уж я человек!

– Вы хоть когда-нибудь бываете строгой? – я удивлённо поднял бровь.

– Ну, как сказать, – Настя наклонила голову, – бываю, просто тебе не приходилось это видеть.

– Даже так? – с лёгкой улыбкой спросил я.

– И лучше не видеть! – ответила начальница и засмеялась. Я лишь улыбнулся.

– Вот как.

– Ты всё ещё рисуешь? – спросила она неожиданно.

– Когда как.

– Здорово. Знаешь, муж предлагал заказать для украшения «Места» картины у городского художника. Но я не люблю эту пошлятину. Мне было бы гораздо приятнее, если бы стены нашего кафе украшали работы такого милого мальчика, как ты. Я уверена, что ты скрываешь от нас огромный талант!

– Вы преувеличиваете, – ответил я, немного смутившись, – ничего я не скрываю. Да и готовых картин у меня нет, одни черновики. Все мои картины остались в художке. Я просто любитель. Нечего мне скрывать...

– Я поняла, поняла, можешь не продолжать, – ласково сказала Настя.

...

Я ехал домой на автобусе, опустив голову на стекло и наблюдая за хаотичными огоньками, которые сменялись так быстро, что я не успевал ничего разглядеть. От неровной дороги меня клонило в сон. Я облакачивался на стекло автобуса, а на очередной кочке больно бился головой. Затем всё по новой. От таких манипуляций я вошёл в непонятное задумчивое состояние, граничащее с дремотой. Мысли спутались в голове, и я стал прокручивать недавние диалоги. Я и не вспомню, когда успел рассказать Анастасии Борисовне о своём прошлом деле – рисовании. Это действительно яркий и серьёзный этап моей жизни, который, в конечном счёте, ни к чему не привёл. Почему? Я окончил художественную школу за два с половиной года, меня звали на конкурсы, выставки, пророчили великое будущее. Но я сам похоронил свой шанс. Мне это не нужно. Я стал рисовать по своей личной причине, я рисовал не для других, а для неё...

Когда я шёл с остановки, было уже достаточно темно. Немногочисленные лампы с тусклым светом проигрывали ночной темноте, которая с большим успехом поглощала все надежды добраться до дома, не споткнувшись об какой-нибудь камень. Я шёл, по привычке опустив голову, будто надеясь, что ноги сами приведут меня домой. Мне практически не попадались прохожие, и я был рад этому. Сейчас мне хотелось тишины, которая заглушит мои собственные мысли. Тишина, на самом деле, – самый громкий звук на свете.

Я и не заметил, как чуть не налетел на девушку низенького роста. Почему-то она стояла прямо посередине тротуара.

– Извините, – сказал я, не глядя на неё, и быстрым шагом направился к дому, который уже показался из-за угла.

В голове почему-то мимолётно пронеслись события утра.

Глава 4. Твой любимый рисунок

Суббота. Излюбленный день рабочих, учеников и студентов. Короче, всех людей. Но я никогда не понимал всеобщей любви к этому дню. Почему-то до многих не доходит, что, если наступила суббота, то завтра наступит воскресенье, а затем – понедельник. А там уже всё по новой. В субботу люди отрываются. Впрочем, ко мне это мало относится. «Отрыв» и Артур несовместимы. Я неправильный представитель молодёжи. Я не развлекаюсь. Алкоголь? Просто смешно. Лишь однажды в двенадцать лет я попробовал алкоголь. И не просто алкоголь, а не самую качественную водку. Как это произошло? Старшие мальчики со школы взяли на слабо. А я, побоявшись насмешек, залпом выпил целый стакан. Организм ребёнка отреагировал соответственно. Четыре дня я пролежал с отравлением и, как следствие, температурой и больной головой. Отец отнёсся к этому с юмором, назвав эту ситуацию «хорошим жизненным уроком». Зато мама была в гневе. Не удивительно, ведь она не могла понять мальчишескую необходимость казаться крутыми перед другими ребятами. В тот же вечер мне была прочитана лекция о вреде алкоголя, которую я запомнил на всю жизнь, несмотря на моё ужасное в тот момент состояние.

К сигаретам у меня странное отношение. Мой отец курит и курит довольно много. Но эта вредная привычка была у него не всегда. Я не сразу обратил внимание на бычки в мусорке и этот запах, который едва ощущался на кухне по утрам. Тогда мне было совсем не до этого. Лишь спустя год, при самых неприятных обстоятельствах, я заметил. Мне понадобилась книга, которая хранилась в кабинете отца. Он никогда особо не любил, когда дети заходили туда. Но его запреты всегда ограничивались лишь ласковыми замечаниями. До того дня.

– Ты что, куришь? – спросил я удивлённо, увидев его, стоящего у окна и держащего в руках сигарету. Наверное, в тот день я впервые ощутил этот запах так близко. Мне сразу стало дурно, ведь этот запах до ужаса напоминал запах дыма. Только более... удручающий.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он равнодушно. Да, этот безразличный тон уже к тому времени приелся к моей голове.

– Мне нужна была книга, – неуверенно ответил я.

– Я разве не говорил, что в мой кабинет нельзя заходить?

– Но я просто...

– Выйди отсюда. – Боже, почему я не послушал его? Если бы я сделал то, что он попросил, вышел бы и никогда, никогда больше не заходил, а лучше бы вообще не попадался ему на глаза, я бы не услышал этого. Я бы не услышал подтверждения моих догадок, моих мысленных терзаний, которые в будущем стали причиной этих ужасных снов. Просто послушать отца, и, возможно, сейчас я страдал бы хоть чуточку, совсем немного меньше.

– Папа, я просто хотел взять книгу о рисовании, – раньше я называл его «папой». Сейчас это слово давно затерялось в глубинах моего словарного запаса и больше не используется.

– О рисовании? – его сигарета выпала из рук, и упала на пол. Отец стоял неподвижно и смотрел на меня. В этот момент со мной начали происходить непонятные вещи. Меня словно

окутала какая-то тёмная пелена, а в ушах зазвенело. Я почувствовал зверский страх. Я стал дышать чаще, но чем чаще я дышал, тем сильнее мне не хватало воздуха. Я попытался разглядеть свою руку, но мне едва удалось её поднять. Я собрал остатки всех сил, которые у меня были и закричал. Я внезапно осознал, что вновь могу двигаться, так что сразу же подбежал к окну и стал топтать эту сигарету. Я давил и давил её ногой, хотя она давно потухла и весь табак высыпался наружу, оставляя на сером полу тёмные разводы. Отец в недоумении смотрел на меня, а я всё не останавливался.

– Что ты делаешь? – спросил он, едва коснувшись моего плеча.

– Сейчас взорвётся! Надо потушить огонь! – кричал я и продолжал топтать несчастные остатки того, что когда-то было сигаретой.

– Какой огонь, Артур? О чём ты? Она давно потухла.

– Нет, я должен потушить огонь, иначе будет взрыв!

– Артур... – отец понизил свой голос, – немедленно успокойся, я не шучу.

– Нет, я должен остановить пожар! Мы сгорим, мы тоже умрём!

– Замолчи!

Меня остудила пощёчина. Он ударил меня. Отец впервые поднял на меня руку. Тогда мне показалось, что моего счастливого, ласкового и доброго отца больше нет. Как же поздно я обо всём догадался. Его ведь и правда больше не было. Как я мог не заметить, что на его лице давно нет улыбки, что на лбу появились хмурые морщины? Я прикрылся пеленой своего горя и совсем забыл обо всём, что окружает меня. Совсем забыл, что отец тоже страдает. Страдает из-за меня. Он тоже не хотел замечать этого. Замечать того, что собственный сын, тот, кто должен приносить ему счастье, принёс ему самое великое несчастье, которое только может случиться с человеком. И сейчас, когда он увидел перед собой этого сумасшедшего подростка, его рука сама нанесла удар.

– Папа... – дрожащим голосом произнёс я. Его лицо было гневным, и это пугало меня, ведь я никогда не видел такого лица.

– Хватит вести себя, как избалованный ребёнок! – прокричал отец и стукнул кулаком по столу. Этот звук будто молотком ударил меня куда-то в область переносицы. – Теперь-то ты боишься каждого огонька! Думаешь, это хорошее оправдание?

– Папа, прости... Я просто хотел...

– Захотел исполнить чужую мечту? – я вздрогнул. – Ты никогда не увлекался рисованием, а теперь только об этом и думаешь! Ты не проживешь жизнь за неё!

– Папа... – мой голос предательски задрожал. Я изо всех сил старался успокоиться и не устраивать глупых сцен, но внутри меня смешалось столько боли и страха, что было практически невозможно сдержать это в себе. Я быстро вытер глаза, которые всё ещё оставались сухими, будто надеясь, что это поможет. – Мне так жаль. Это моя...

– Это твоя вина, – он сказал это за меня. Время на мгновение остановилось. Я замер, даже забыл, как дышать. Вокруг словно всё исчезло. Исчезли мебель, стены, даже пол под ногами. Остался я и отец напротив меня. Мы смотрели друг на друга секунды, но казалось, будто прошла целая вечность. Глаза отца вдруг расширились, и он закрыл рот рукой.

– Боже, Артур, нет. Я не это имел в виду, – тихо проговорил он, смотря куда-то вниз.

Я не ответил ни слова. Просто развернулся и медленно пошёл к выходу.

– Артур, подожди! Я...

Я остановился. Повернулся и посмотрел на отца. Мы будто поменялись местами. В своём отце я увидел себя мгновения назад. Страх, боль, сожаление, – я мог разглядеть эти эмоции. Всё, что он сказал, каждое его слово – всё это правда. Я не мог не согласиться. Мне наконец-то открыли глаза. Я невольно улыбнулся.

– Прости меня, отец.

Я быстрым шагом направился в свою комнату. Когда я вошёл, я сильно ударился локтём о дверь, но я даже не почувствовал боли. Я наклонил голову и постарался вдохнуть настолько глубоко, насколько это было возможно. Подняв глаза, я огляделся по сторонам. Меня только что приняли в художественную школу, говоря, что у меня природный дар. Зачем? На самом деле, я всегда любил рисовать. И в тот момент мне казалось правильным пойти туда. Пойти и закончить чужую мечту. В голове не укладывается, как такие эгоистичные мысли могли посетить мою больную голову? Занятия помогли мне. Я словно вновь обретал какой-то смысл своего существования. Картина будто подтверждала тот факт, что я жив. Моя комната была забита ими, забита набросками, я старался учиться как можно быстрее, посвящал этому всё своё время. Я хотел как можно быстрее стать настолько хорошим художником, насколько это было возможно. Но когда я вошёл в комнату и увидел всё это, меня накрыло такое сильное чувство гнева, что я не смог совладать с этим. Я стал рвать всё, что рвётся, ломать всё, что ломается. Мне надо было разрушить эти улики. Улики своего эгоизма. Мне казалось, если не разрушу это, оно разрушит меня. Я успокоился только тогда, когда порвал последний рисунок, висевший на моей стене. Рисунок моей младшей сестры. Она подарила мне его со словами: «В будущем мои картины будут висеть в мировых галереях, но этот рисунок всегда останется твоим любимым». Она была такой смыслёной для своих лет. Я посмеялся в тот день, ведь рисунок выглядел так по-детски, совсем не как у художников. На нём были нарисованы я, моя сестра, папа и мама. Я посмеялся, но в тот же вечер повесил рисунок прямо посередине стены на самом видном месте. Мне было всё равно, засмеют ли меня друзья или кто-либо ещё, ведь это был подарок мне от моей любимой сестры. И вот сейчас я порвал его, абсолютно забыв, как он был мне дорог. Я лёг на кровать и свернулся калачиком, желая спрятаться от всего мира. Сил не было, так что я просто закрыл лицо руками.

– Простите меня...

Глава 5. В отличие от меня

– Парень... эй, малыш

– А?

Я оглянулся. Рядом стояла девушка, одетая совсем не по погоде, к слову, на улице было начало марта. Тёмные прямоугольные брови, будто нарисованные фломастером, нарощенные ресницы. Я не сильно разбираюсь в моде, но почему-то мне казалось, что так выглядело большинство девушек, которые меня окружали.

– Ты чего извиняешься? – спросила она.

– Извиняюсь? – переспросил я, будто не понимая, о чём речь. Я давно заметил, что переспрашивать – это такой ловкий способ у человека успеть придумать ответ на странный или смущающий вопрос.

– Ты только что извинялся, – сказала она и подняла брови.

– Правда? Ну, бывает же. Просто задумался, – ответил я и посмотрел куда-то в сторону. А куда я шёл? Я снова взглянул на девушку. – Вы что-то хотели?

– Какой ты вежливый, – она широко улыбнулась. Мне не понравилась её улыбка, потому что мне показалось, что она смеётся надо мной, – сигаретки не найдётся?

– Я не курю. И вам не советую, вы же будущая мать, – сказал я не без иронии ту фразу, которая, наверное, раздражает каждую девушку. На самом деле, меня не сильно интересовало продолжение рода посторонних людей. И вообще, какая мне разница, что у неё там родится и родится ли вообще?

– Я ещё слишком молодая, чтобы становиться матерью, – она надула губы.

– Да? – протянул я, а затем какая-то дурацкая часть меня решила начать игру. – А мне кажется, наоборот. Старовата.

– Чё ты сказал? – спросила девушка, повысив тональность своего голоса, минимум, на октаву.

– О, вы ещё и глуховаты, – я демонстративно закатил глаза.

– Тебе по лицу давно не давали?

– Тётяшка, вас же посадят за избиение малолетних, – я напряг всё своё актёрское начало и пытаюсь показать «страх».

Это было последней каплей. «Тётяшка» вlepила мне пощёчину, громко выругалась и пошла, хотя, скорее, побежала от меня на другой конец улицы.

Как предсказуемо.

...

Меня устраивает кафе, в котором я работаю, потому что там редко можно встретить шумных подростков. Обычно к нам приходят семьи или же взрослые пары. Молодёжь, которая приходит сюда, – это студенты, им нравится заниматься за чашечкой кофе в небольших компаниях. Жаль только, что не все подростки такие. Запретный плод сладок, как говорится. Всё, что плохо – это круто. Казалось вот, мы преодолеваем какой-то порок общества, но в ту же секунду тонем в другом. А молодёжь... это просто кладёзь пороков.

У меня нет друзей. Вот совсем нет. Все, с кем я общался в художественной школе или в кафе, спустя месяц за спиной, а потом и в открытую, называли меня «занудой» или «выскачкой». Они не понимали, почему я не разделяю их увлечений, почему не хочу проводить с ними время. Я не пытался их переубедить, мне было всё равно, что обо мне подумают. Я не мог заставить себя улыбаться людям, искать с ними встречи. Я просто молчал, а молчание – обычно самое оскорбительное для человека. Не многие могли пробиться через мою стену, потому что цель не оправдывала средства. Одной из тех, кому удалось разговорить меня, была Анастасия Борисовна. Она будто всегда знала, что сказать. Она не пыталась лезть мне в душу, но её слова были такими лёгкими и ненавязчивыми, что я просто не мог промолчать. Мы могли мило беседовать обо всём подряд, хотя чаще всего я и понятия не имел, о чём она говорит. Но я был внимательным слушателем, который изредка даёт комментарии.

Я не всегда был одиночкой. В школе, до тринадцати лет, у меня было много друзей. Я был абсолютно нормальным мальчиком, который любил видеоигры, рассказы о героях, документальные фильмы. Я не особо увлекался спортом, однако мне нравилось смотреть футбол с друзьями. После того случая многие пытались поддержать меня, подбодрить. Я ловко блокировал все их попытки, потому что был уверен, что никто из них не понимает, что я чувствую. А если не понимает, к чему всё это? Просто из-за того, что так принято? Для меня это было обычное лицемерие. Мне говорили, что им жаль. Я же был уверен, что никому не жаль меня.

Когда долго и безрезультатно пытаешься чего-то добиться, ты опускаешь руки. Ребята в новой школе так и не смогли пробиться через мои стены апатии. Так что, позаимствовав мою стратегию, сами начали меня игнорировать. Так я и заработал свой статус одиночки. Одиночки с непонятым прошлым и какими-то психическими заболеваниями. Так отзывались обо мне мои знакомые. Никто не знал, что случилось со мной, а я не спешил рассказывать. Время от времени находились добрые ребята, которые хотели подружиться со мной. Но рано или поздно все уставали, так как я не давал им той же энергии, которую они тратили на меня. Так было везде. В школе, в художке и даже в кафе. Все, будучи вежливыми ребятами, спешили знакомиться со мной. Но никто не понимал, почему я не соглашался «зависнуть» вечером в пятницу, почему не страдал от «похмелья» выходным утром, почему я не смотрел последний сериал и почему у меня нет любимого музыкального исполнителя. В конце концов, я остался один.

Если ты никого не понимаешь, проще сделать вывод, что никто не понимает тебя. Так я и поступил. Я решил, что все вокруг меня – глупцы. Их образ жизни примитивен, их не интересует ничего, кроме развлечений. Никто не хочет ничего отдавать, все хотят только иметь. Самое главное в их жизни – это удовольствие. Пока нет удовольствия, жизнь бессмысленна.

Я просто решил, что всё это общество не подходит мне. Я просто оправдал своё одиночество ошибкой общества. Смешно, не правда ли?

Я не моралист, не считаю, что у нас потерянное поколение. Однако я не могу адекватно воспринимать этих подростков, постоянно стремящихся показывать себя крутыми и взрослыми. Подростков, которые, столкнувшись с первой же проблемой, побегут к мамочке и папочке.

Но на самом деле, я завидую им.

Я завидую им, потому что их единственный грех – это желание жить так, как они хотят. Они просто наслаждаются своим временем, своими возможностями. Они просто делают то, что приносит им удовольствие.

В отличие от меня, они не убийцы.

Глава 6. Не могу забыть

Я всё ещё лежал на кровати, сжавшись калачиком и закрыв руками лицо. Вокруг валялись рваная бумага, сломанные кисти, акварель, карандаши. Этот хаос в помещении олицетворял хаос в мыслях.

«Это всё твоя вина» – вот, что крутилось у меня в голове.

После ужасного события прошло около года, а боль не утихла. Мне трудно описать своё состояние на протяжении этого времени. Будто вся твоя жизнь теряет всякий смысл. То, что казалось важным, становится бесполезным. Любое напоминание о людях, которых ты потерял, приносит огромные страдания. Эмоции играют с тобой в догонялки, то убегая от тебя, то догоняя в самый ненужный момент. Мой отец работал психологом, но он никак не мог помочь мне. Он даже не смог просто оставаться моим папой. Ведь ему самому нужна была помощь. А я не понимал этого.

Спустя какое-то время, разбирая вещи после переезда, я наткнулся на рисунок сестры. В моей голове вновь прокрутились её слова. И я понял, что она не сможет сдержать обещание. Люди так и не увидят её картины. Почему-то в тот момент я подумал, что я должен исполнить её мечту. Я должен стать таким художником, каким хотела стать моя сестра. Возможно, это сделало бы её счастливее, возможно, это сделало бы счастливее нас всех. Тогда я так думал. Как я ошибался.

Сейчас, свернувшись калачиком на кровати, я думал только о том, каким же глупым, жалким эгоистом я был. Кого сделать счастливее? Разве это возможно? Неужели я так просто пытался забыть, что я натворил? Как я вообще мог допустить мысль о том, что я имею право рисовать? Имею право исполнять её мечты, которые она исполнить не может.

Отец открыл мне глаза. Он сказал то, что я так долго скрывал от себя. Конечно же, это моя вина. И теперь у меня больше нет сомнений.

– Почему я не исчез вместе с ними?

– Артур?

Я поднял голову. В дверях стоял он.

– Отец...

Он смотрел на меня беспокойно. Постояв немного в дверях, он решил подойти ближе. Я быстро приподнялся. Он сел на край кровати. Я заметил что-то у него за спиной.

– Артур, прости меня, – сказал он, даже не подняв глаза.

– За что ты извиняешься?

– Я, – он замялся, – я не хотел этого говорить.

– Говорить что? – я не знаю почему, но мне захотелось сделать вид, что того разговора не было. Но прямо сейчас отец рушил все мои планы. Ты этого не говорил, нет, пожалуйста.

– Мне жаль, Артур. Я прекрасно понимаю, что тебе тоже тяжело.

Тоже тяжело. Вот как ты это называешь.

– Всё в порядке, ты был прав.

– Артур, нет.

– Я в порядке, правда.

Отец посмотрел вокруг. Да, по состоянию моей комнаты точно нельзя было сказать, что я «в порядке». Он остановил взгляд на рисунке сестры. Тот был разорван на три куска. Отец опустил на колени и поднял их. Сейчас он выглядел, как ребёнок, который разбил любимую игрушку. Только он не был ребёнком, а разбитой игрушкой был я.

– Ты порвал его, – тихо произнёс отец.

– Так получилось. Я слишком поздно осознал это.

– Артур, прости меня.

– Я же сказал, я в порядке.

Отец встал и пошёл к выходу. Я сидел на кровати, опустив глаза, не зная, что сказать. Он повернулся ко мне.

– Прости, сынок, – отец вышел из комнаты.

Я всё понял. Он пришёл не для того, чтобы опровергнуть свои слова. Он не сказал: «я был неправ» или «это не твоя вина». Он сказал, что не хотел этого говорить. Он просто сказал, что ему жаль, жаль, что он не смог сдержать эти слова в себе, что они вырвались наружу в тот момент, когда я довёл его. Я не смел злиться, не смел винить его. Я не уверен, хотел ли я услышать «ты не виноват». Я перевёл взгляд на край кровати. Там я заметил книжку. Ту самую книжку о рисовании, которая принадлежала моей сестре. Отец всё-таки принес её мне. Я взволнованно взял её в руки. На самом деле, я уже много раз пожалел о том, что вообще вспомнил об этой чёртовой книге. Зачем она нужна мне? Всё, что нужно, я узнаю в художественной школе, а эта книга просто наполнена различными картинками.

Я стал листать её. Ничего особенного, просто небольшие уроки, как рисовать мелкие детали, как рисовать глаза, цветы, кошек, еду. Всё это я уже знал. Но я всё равно пришёл за этой книгой, и сейчас она в моих руках, а я совсем не чувствую удовлетворения.

– Глупость какая.

Я захотел положить книгу на стол, поэтому встал с кровати. В этот момент из книги что-то выпало. Это был альбомный лист, на котором были нарисованы сестра и я. Внизу я увидел подпись:

Лучшему брату на свете на его тринадцатилетие!

Всё как в тумане. Воспоминания и сейчас время от времени возвращаются ко мне, но я вряд-ли когда-нибудь смогу полностью вспомнить события той ночи. Я в первый раз решил спрятаться. Спрятаться от всего, что окружает меня. Спрятаться от боли, что разрывает меня, от этой вины. Я взял ножницы со стола и побежал на крышу. На улице шёл дождь. Отчаяние, страх, слёзы, капли дождя – всё перемешалось в один тяжелейший поток страдания. Я поднял ножницы и резко провёл по своей руке. Кровь полилась мгновенно. Капли дождя смывали её, а через секунду появлялась новая. Я не чувствовал боли физической, потому что в этот момент меня разрывало изнутри. Я не мог понять, что происходит со мной. Я хотел умереть, хотел исчезнуть, хотел забыть всё, избавиться от этого груза. Забыть...

Я не могу забыть.

Я не могу забыть то, что я сделал. Я совершил слишком большой проступок для того, чтобы так просто избавиться от всех терзаний. Я не имею никакого права забывать то, что я совершил. Я посмотрел на свою рану. Кровь продолжала литься, и я почувствовал дикий страх. Я быстро отрезал рукав от рубашки и туго завязал руку. Скорее всего порез был неглубоким, потому что кровь остановилась достаточно быстро.

Верно. Я проживу эту жизнь. Я проживу её, борясь с кошмарами, падая от напряжения, страдая от внутренних терзаний. Я проживу всю жизнь с этим чувством вины. Я никогда не смогу расплатиться за свои грехи, но так я хотя бы буду помнить, что я виновен. Жизнь станет моим наказанием. Я накажу сам себя.

Дождь прекратился. Я обессилено упал на колени.

Глава 7. Здравствуй

– Какой странный сон

Я устало потянулся на кровати и посмотрел на часы. Семь утра. Для меня это довольно поздно. Обычно я просыпаюсь до того, как встанет солнце. А просыпаюсь я от кошмаров. Мне постоянно снится тот дом, дым, красный огонь, обжигающий тело.

Но сегодня мне снился другой сон. Фрагмент из прошлого, тот день, когда я чуть было не покончил с собой. Если бы я это сделал, то не было бы никаких кошмаров, никаких переживаний, не было бы ничего. Но что-то удержало меня. Собственное раскаяние и, возможно, отец... Я не смог. Не смог оставить его одного. Мой отец был сильным человеком. В детстве я всегда восхищался им, восхищался его профессией, он залечивал душевные раны, которые могут травмировать сильнее, чем физическая боль. Но теперь я не верю в это. Будучи психологом, он не смог помочь ни себе, ни мне. Или не хотел помогать.

Я знаю, что он ненавидит меня. Каждый раз, встречаясь с ним взглядом, я читаю ненависть. Я давно стараюсь не смотреть людям в глаза. Но когда мы разговариваем, что бывает нечасто, я не могу отвернуться. Возможно, я специально выискиваю гнев в его глазах. Я же решил, что моя жизнь – это наказание. А значит, чем больше я страдаю, тем лучше. Это мой путь. Я сам поставил себя в такие условия.

Я решил пойти на кухню, чтобы попить воды. Мы живём в просторном двухэтажном доме. На первом этаже расположена кухня, гостиная, ванная и кабинет. На втором – моя комната и спальня отца. Между моей комнатой и отцовской есть дверь, которая ведёт в небольшое помещение. Оттуда с помощью лестницы можно пробраться на крышу. Если я не в своей комнате, то я там. Чаще всего на крыше я бываю по вечерам. Это место стало очень важным для меня. Поднимаясь на крышу, я будто вхожу в другой мир. Всё материальное теряет своё значение, остаюсь лишь я наедине со своими чувствами. Когда-то давно я чуть было не прервал свою жизнь на этой крыше. И именно здесь я понял, почему я всё ещё должен жить. На крыше я могу лежать часами, смотря на небо. Небо для меня олицетворяет свободу. И если я никогда не смогу её почувствовать, то хотя бы смогу увидеть.

Спустившись вниз по лестнице и обойдя нижний этаж, я сделал выводы, что отца уже нет дома. Его любимый плащ не висел в коридоре, а пачка сигарет, которая ещё в два часа ночи лежала на столе, исчезла. Я не знал, чем заняться в воскресенье. Нормальные люди с нетерпением ждут выходных, строят планы, гуляют, встречаются с друзьями. Мне проще живётся в будни, потому что я знаю, что буду работать на своей обычной работе, выполнять привычные дела, в общем, заниматься обыденностью. Такое мне удавалось.

Почему-то мне захотелось рисовать. Я не знаю, возникло ли это желание после того сна, или же постоянное безделье мне настолько осточертело. Я снова поднялся на второй этаж и зашёл в комнату. Там я подошёл к своей кровати и потянул за ручку, торчащую из края. Край кровати приподнялся, и я откинул крышку. Внутри лежали все приспособления для рисования: бумага, полотно, акварель, масло, карандаши. Я достал большое полотно примерно полметра в высоту, четыре кисти разного размера и масляные краски. На балконе я нашёл пыльный мольберт. Мне захотелось рисовать на крыше. Там открывался вид одновременно и на город,

и на лес. Немного поразмыслив, я понял, что всё сразу мне не перетащить. Я решил начать с полотна. Я взял его, а заодно кисти, и поднялся наверх. Положив всё, я посмотрел на небо.

– Как-то облачно. Наверное, вечером будет дождь.

Как только я вернулся обратно в комнату, я принялся за мольберт и краски. Посмотрев на подсохшую упаковку масляных красок, я вдруг подумал, что не очень хочу ими рисовать.

– Лучше возьму акрил.

Но акрила у меня не оказалось. Неудивительно, ведь я уже год ничего не рисую. И почему именно сегодня мне в голову пришла эта идея? Я же мог заняться чем угодно. Например...

Я просто вздохнул и решил идти в магазин. До него нужно было добираться минут двадцать. Мы жили в неплохом районе и до торгового центра, рынка или остановки можно было спокойно дойти пешком. Однако, несмотря на это, именно вокруг частных домов будто бы отсутствовала цивилизация. Это было место спокойствия и единения с природой. Большой зелёный лес привлекал новых жителей. Быстро собравшись, я поспешил выйти из дома. В коридоре у выхода я пытался найти свою парку, и мой взгляд невольно задержался у зеркала.

В юности я немного комплексовал из-за своей смазливости. Внешне я был очень похож на свою мать, а вот с отцом у нас было мало общего. Моя мама – очень красивая женщина. Но я, будучи парнем, хотел выглядеть мужественнее. Сейчас я не так много думаю об этом. У меня обычные русые волосы, карие глаза и вечно недовольное выражение лица. Я не имею какого-то особенного стиля в одежде, но предпочтение отдаю серым цветам разных оттенков и свободной ткани. Иногда, подходя к зеркалу, я всматривался в отражение, пытаюсь воссоздать облик матери. Я вспоминал её глаза, которые выглядели в точности, как мои, только намного теплее и добрее. Вспоминал её ямочки на щеках, которые прослеживались, когда она улыбалась. Вспоминал её тонкие тёплые пальцы, которыми она окутывала мои замёрзшие после долгой прогулки руки. Но в какой-то момент невидимая сила вырывала меня из моих грёз, и я снова оставался наедине со своим отражением. Тогда исчезали глаза, волосы, руки, оставалось лишь расплывчатое тёмное пятно.

– Урод. – Сказал я, а затем быстро отвёл взгляд от зеркала.

Мой путь пролегал через очередной парк. У нас в городе было довольно много зелёных мест с маленькими скамеечками и кирпичными дорожками. В парках можно было встретить немало влюблённых пар. В данный момент я проходил мимо одной из них.

– Дорогой, давай сфотографируемся вместе?

– Хорошо, подожди секунду. Молодой человек, вы нас не сфотографируете?

Я остановился. По-видимому, обращались ко мне.

– Да, конечно. – Парень дал мне в руки телефон и объяснил, как работает камера. Как будто я телефоны в руках не держал.

– Улыбочку, – сказал я им.

– Большое спасибо, – парень забрал телефон.

– А теперь селфи! – выкрикнула девушка. В этот момент я уже был далеко. Я шёл, погружённый в свои мысли, как вдруг что-то заставило меня посмотреть налево, в сторону леса.

Там, на траве между деревьями, стояла девочка. На долю секунды мне показалось, что передо мной стоит фея. Она была маленького роста, с длинными светлыми волосами. Я сразу обратил внимание на странный внешний вид девочки. Она стояла босиком в лёгком белом платье, а ведь на улице было достаточно прохладно. Девочка неподвижно смотрела в небо. Я не мог разглядеть её глаз, но по выражению её лица было понятно, что она чем-то расстроена. Весь её вид излучал какую-то печаль. Но даже эта печаль отличалась от привычной для меня тоски и апатии. Это было похоже на кадр из фильма: вокруг девочки поднялась еле заметная беловатая пыль, а сквозь густые облака единственный луч света падал ей на лицо. Я не мог отвести глаз. Неожиданно разразился гром и девочка вскрикнула.

– Эй, – позвал её я, – ты в порядке?

Она посмотрела на меня, и даже с достаточно большого расстояния я смог разглядеть большие голубые глаза.

– Ты это мне? – тихим тонким голосом спросила она.

– Почему ты стоишь тут босиком?

Девочка удивлённо смотрела на меня. Как-будто она не понимала, что я с ней разговариваю. Мы оба молчали. Тишину нарушил ещё один раскат грома.

– Сейчас пойдёт дождь, а мне надо ещё успеть за красками, – сказал я и посмотрел в сторону магазина, до которого оставались считанные шаги, – тебе тоже нужно...

Я замер. Девочки не было. Её и след простыл. Секунду назад я её видел, а теперь она исчезла. Будь это кто-либо другой, я бы через минуту забыл об этом случае. Но что-то в этой девочке удивило меня, потрясло.

– Мне в любом случае нужно было идти, – сказал я максимально равнодушно, будто пытаюсь убедить самого себя, и всё-таки пошёл за своими красками.

Домой я вернулся уже полностью промокшим. Как только я вышел из магазина, мне на голову упала первая капля, которая через десять секунд превратилась в настоящий ливень. У нас в городе часто идёт дождь, поэтому такие ситуации не были чем-то особенным. И я всё равно не приучил себя брать на улицу зонт.

Ливень продолжался около часа. Я переоделся и высушил волосы, а затем уселся смотреть телевизор. Не было каких-то особенных телеканалов, которые интересовали меня. Поэтому я просто переключал кнопки, в надежде найти хоть что-то интересное. В поисках я и не заметил, как кончился дождь.

Я подошёл к окну на кухне и открыл его. Комната наполнилась свежим запахом деревьев. Окно с кухни выходило прямо на лес, и для меня стало привычкой открывать его после дождя. Меня успокаивал этот хвойный влажный запах, который надолго задерживался в моей памяти. Я просто стоял и дышал этим воздухом, как вдруг меня осенило.

– Мои вещи!

Я вспомнил, что оставил полотно на крыше. Оно около полутора часов пролежало под проливным дождем, и мне было страшно подумать, в каком оно сейчас состоянии. Я быстро убежал на крышу. Как я и ожидал, теперь это только на выброс.

– Ну разумеется, это же Артур, – я обречённо вздохнул.

На кухне я осознал ещё одну вещь – я не смогу выбросить полотно в мусорное ведро, потому что оно слишком большое. Значит, придётся выносить на улицу.

– Самое лучшее полотно угробил, – ругался я сам на себя, натягивая обувь.

Я открыл дверь, и меня ждал очередной сюрприз. Я чуть было не налетел на девушку. Она довольно быстро среагировала и отскочила назад. По правде говоря, она меня слегка напугала. Девушка была ростом с меня, а может даже немного выше. Я еле удержал равновесие, и сейчас я стоял на пороге дома прямо перед ней. Мы смотрели друг на друга около пяти секунд, как вдруг молчание было прервано.

– Здравствуй, у меня назначен приём к психологу. Я пришла к Олегу Александровичу. Меня зовут Карина.

Глава 8. Ещё увидимся

– Я позвонил отцу, он сказал, что задержался из-за пробки. Придётся подождать минут двадцать, – сказал я, провожая девушку в гостиную.

– Ничего страшного.

– Присаживайтесь, где угодно.

– Спасибо, – сказала она и села в маленькое кресло. Я слегка замешкался, потому что мне надо было чем-то занять девушку, но тут моя профессия немного помогла мне.

– Чай, кофе? – сказал я официальным тоном. Жаль только блокнота с ручкой не было под рукой.

– Можно мне воды? – тихо спросила она, даже не посмотрев в мою сторону.

– Конечно.

Я принёс стакан с кухни и протянул ей кружку. Девушка посмотрела на меня, холодно улыбнулась, а затем аккуратно взяла стакан за край так, что наши пальцы даже не соприкоснулись. Я не придавал этому большое значение и сел на диван, который стоял напротив. В комнате повисла неловкая пауза.

– Значит, вас зовут Карина? – решил я прервать тишину, что было довольно несвойственно мне.

– Да, – спокойно ответила она, – а вы...

– Артур.

– Классное имя, – она улыбнулась, в этот раз более искренне. – А можно на ты?

– Да, давай.

Я успел немного рассмотреть её. Она отличалась от девушек, которые окружали меня. Миловидная, естественная внешность, минимум макияжа, длинные каштановые волосы. Ну и, конечно, её рост. Она была достаточно высокой. Но больше всего внимания привлекали её холодные голубые глаза. Мне был знаком этот взгляд, потому что именно такой взгляд я чаще всего видел в собственном отражении.

– А ты... сын Олега Александровича?

– Да, Артур Литвин.

– Точно, я ведь слышала, что у него есть сын. Вы совсем не похожи.

– Ты уже видела отца?

– Да, я приходила в клинику. Раньше я долгое время консультировалась в другом месте, но родители наткнулись на твоего отца и решили, что мне необходимо работать именно с ним.

– И что, помогает? – не без усмешки спросил я. Затем, пожалев о сказанном, добавил. – Извини.

– Забей. Мне не привыкать.

Я виновато посмотрел на девушку. Её выражение лица не изменилось. На самом деле, я довольно скептически отношусь к такой профессии, как психолог. Как по мне, люди, которые обращаются за психологической помощью, просто имеют слишком много свободного времени. Мне не понять удовольствия изливать свою душу постороннему человеку. Я привык держать всё в себе.

– Ты, наверное, считаешь, что к психологам ходят только избалованные подростки? – Карина посмотрела на меня и немного сжала чашку. Я потупил взгляд.

– Да нет... глупость сморозил, не обращай внимания.

В комнате снова стало тихо. Девушка сидела и смотрела на стакан, который она держала на руках. В глаза бросалась не только её внешность, но и манера сидеть. Идеально ровная спина, ноги аккуратно сведены вместе, голова была слегка опущена, но шея оставалась прямой. Несмотря на эту позу, которая казалась весьма неудобной, она сидела так легко и спокойно, будто совсем не была напряжена. Не знаю, сколько мы просидели, но сидели мы в тишине. Я не знал, о чём говорить, потому что я практически ни с кем не общался. В кафе Анастасия Борисовна сама заводила разговор, а я лишь поддерживал беседу.

– Ты художник? – вдруг спросила девушка. Я удивлённо посмотрел на неё. Как она догадалась?

Но затем я вспомнил, что в тот момент, когда мы встретились, в моих руках было полотно.

– Это было бы громко сказано. Окончил художку.

Выражение лица Карины резко поменялось. Её глаза заблестели и она немного наклонилась ко мне.

– Здорово! Покажешь свои картины?

– Все мои картины остались в художественной школе, – без особого энтузиазма ответил я.

– Почему? – спросила девушка, убрав чашку и опустив голову на свои ладони. – Разве тебе не хотелось их забрать?

Не хотелось. Окончив школу, я не знал, что делать дальше. Я сделал это, я научился рисовать. Но я не стал художником. У меня были все шансы продолжить заниматься этим профессионально. Но что-то отталкивало. Скорее всего, я испугался. Но чего?

Мне всегда нравилось рисовать. В детстве я не придавал этому большое значение, потому что рисование – не то хобби, которым должен увлекаться мальчишка. Но, занимаясь профессионально, я понял, что это что-то большее, чем мимолетное увлечение. Я стал получать от этого удовольствие. Настоящее. В этот момент, когда белая бумага превращается в картину, во что-то живое, в настоящую историю, я становился кем-то другим. Я не знаю, можно ли назвать это счастьем. Я давно забыл, что такое счастье. Но эти чувства, они стали пугать меня. Меня стало пугать то, что я могу испытывать радость. Это просто недопустимо для меня. Я начал рисовать только для того, чтобы осуществить мечту моей сестры. Но это не моя мечта. Я не должен был испытывать никакого удовлетворения. Я просто должен был рисовать, рисовать для неё, когда не хочется, когда устал, когда надоело. Но мне не надоело. Мне, наверное, нравится рисовать.

Поэтому я решил сбежать. Я оборвал все связи со школой, оставил все картины. Но я всё равно не смог всё бросить до конца. Я постоянно пытался что-то создать. В моей голове рождалась идея, я думал над ней, развивал, но никогда не заканчивал. Поэтому под моей кроватью складировались наброски, концепты, которым не суждено было стать чем-то завершённым.

– Мне всё равно, – сухо ответил я.

Девушка улыбнулась. Как-то странно. Это была какая-то недоверчивая улыбка. Словно она подумала: «Ага, так я тебе и поверила».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.